

В этом же докладе товарищ Сталин отмечал, с каким пренебрежением фашисты относятся к славянам, рассматривая их как «низшую расу».

Вопрос о славянах и их взаимоотношениях с Византией не является новым—советской исторической науке не приходится начинать на пустом месте. Буржуазная историческая наука в свое время выполнила большую черновую подготовительную работу, выразившуюся в собирании огромного фонда первоисточников и составлении сводов. Назовем хотя бы труды Иордана¹, в которых даны своды высказываний о славянах большого количества источников. Серьезным для своего времени историческим и лингвистическим научным аппаратом был труд Штриттера², собравшего высказывания византийских хронографов и других первоисточников. Далее надо отметить исключительно добросовестно составленный свод текстов-памятников о южных славянах с большим научным аппаратом, изданный в 60-х годах XIX в. в Загребе³. Исключительно ценный для своего времени материал был собран П. Шафариком, «отцом славяноведения», в прославившем его труде о славянских древностях⁴. Большую работу по собиранию и анализу археологических данных проделал Л. Нидерле⁵. Можно было бы привести и другие имена. Капитальный труд Карла Крумбахера⁶, который и по сей день является незаменимым пособием для всех тех, кто занимается исследовательской работой по истории Византии, содержит для времени его издания исчерпывающие указания по литературе о взаимоотношениях славян и Византии. К этому же разряду следует отнести работу французского историка Леже⁷. Много внимания исследованию вопроса о влиянии славян на Византию уделял немецкий историк Фальмерайер⁸, точка зрения которого на роль славян произвела в свое время впечатление разорвавшейся бомбы и вызвала продолжительную дискуссию, в которую были вовлечены К. Гопф⁹, Цинкейзен¹⁰, А. А. Васильев¹¹ и ряд других крупнейших представителей буржуазной исторической науки XIX и начала XX вв.

Буржуазная историческая наука вообще и, в частности, византиноведение страдали сугубым формализмом. Накапливая весьма ценный

¹ I. C. de Jordan—De originibus slavicus, t. I—II, Vindobonae, MDCCXLV.

² I. Stritter—Memoriae populorum olim ad Danubium, pontem Euxinum et inde magis ad septentriones incolentium et scriptoribus historiae Byzantinae erutae et digestae, I—IV, Petropolis, 1771—1779. Имеется русский перевод: Штриттер—Известия византийских историков, объясняющих историю России древнейших времен, I—IV, СПб, 1770—1774.

³ «Monumenta spectantia historiam slavorum meridionalium», I—V, Zagrabiae, 1868—1875.

⁴ P. Schafaric—Slavische Altertümer, B. 1—2, Leipzig, 1843.

⁵ L. Niederle—Slovenske starožitnosti. Dil. I—IV, Praha, 1906—1925; L. Niederle—Manuel de l'antiquité slave, t. 1, Paris, 1923; его же—Быт и культура древних славян, Прага, 1924.

⁶ Krumbacher—Geschichte der byzantinischen Litteratur von Justinian bis zum Ende des oströmischen Reiches, München, 1897.

⁷ Lege—Bibliographie hellénique ou description raisonnée des ouvrages publiés en grec par les grecs aux XV et XVI siècles, Paris, 1885, 2 v.

⁸ Fallmerayer—Geschichte der Halbinsel Morea während des Mittelalters, Stuttgart, 1836.

⁹ «Allgemeine Encyclopädie der Wiss. und Künste» von Ersch und Gruber, B. 85, K. Hopf—Griechenland im Mittelalter.

¹⁰ Zinkeisen—Geschichte Griechenlands vom Anfange geschichtlicher Kunde bis auf unsere Tage.

¹¹ А. А. Васильев—Славяне в Греции, «Византийский временник», V, стр. 404—438, 626—670.

фактический материал, буржуазные историки не могли подняться до уровня широких исторических обобщений. Изучая историю Византии, многие, даже самые лучшие буржуазные византинисты (Финлей, Гиббон, Цинкейзен, Крумбахер, Бюри, Диль, Паппаригопуло и др.) видели продолжение древней Эллады в Восточноримской империи и только с этих позиций трактовали ее историю.

Дореволюционная русская наука занимала одно из руководящих мест в исследовании истории славян и Византии. Русские византинисты (Ф. И. Успенский, В. Г. Васильевский, Ю. А. Кулаковский, К. Успенский, А. А. Васильев и мн. др.) проделали значительную исследовательскую работу по истории Византии. Большую лингвистическую работу проделал А. А. Шахматов, который, исследуя позднейшие источники, сформулировал свои взгляды о прародине славян. Однако собранный русскими византинистами огромный материал, естественно, должен был лечь в основу правильных выводов о взаимоотношениях славян и Византии. Отдельные представители русского византиноведения, из которых нужно назвать В. Панченко¹, Ф. Успенского², близко подходили к правильной оценке влияния общественного строя славян на феодализацию Византии. Недооценка их трудов вызвана была влиянием людей из «школы» Покровского, которая игнорировала византийскую историю, особенно в ее взаимоотношениях со славянами. Задачей советского византиноведения является изучение в деталях взаимоотношений славян с Византией на основе марксистско-ленинской методологии.

Славяне поздно появляются на исторической арене под собственным именем. Впервые под собственным именем славяне появляются в теологических ответах Кесария Назианзина (IV в.), изданных в 1624 г. *Dicaeus'om*³.

Под именем венедов славяне появляются у классических писателей с I в. н. э. Плиний считал, что они жили к востоку от Вислы⁴.

По Птолемею (вторая половина II в. н. э.), венеды населяют Сарматия по южным берегам Балтийского моря, к востоку от Вислы. Поскольку имя венедов обозначает славянские племена, то самым древним известным нам местом жительства славян следует считать правый берег Вислы и северный склон Карпат.

Более определенные известия о славянах (под именем гетов) мы находим у комика Марцеллина. Он отмечает, что, разделившись на ветви (племена), славяне в IV в. двинулись по разным направлениям. Под 493 г. у него описано вторжение готов во Фракию. В сражении с ними погиб начальник фракийских войск Юлиан⁵. Эти же геты, по словам Марцеллина, в 517 г. проникли уже в Македонию, Фессалию, древний Эпир и Северную Грецию до Фермопил. Император Анастасий не в состоянии был оказать им вооруженное сопротивление и отделался от них на этот раз, отправив им в виде выкупа 1000 фунтов золота⁶. К этому же времени Марцеллин относит и первые вторжения болгар на Балканский полу-

¹ В. Панченко—Земельная собственность в Византии, ИРАИК, IX, 1904.

² Ф. Успенский—К истории крестьянского землевладения в Византии, ЖМНП, 1883, ч. ССХХV, 1883, стр. 30—87 и 301—360 и другие работы.

³ *Bibliotheca veterum patrum, Parisiis, 1624.*

⁴ NH, I. IV, 13.

⁵ Ponsali—*Vetustiora latin. script. chron.*, II, p. 303.

⁶ *Ibid.*, I, p. 315.

остров. По его же свидетельству¹, начальник иллирийских войск Арист в 499 г. совершил поход против болгар, наводнявших тогда Фракию.

Феофилакт Симокатта, который жил в одном веке с Марцеллином, сплошь и рядом называет славян гетами. Есть место, в котором он утверждает, что геты—древнейшее название славян [τοῖς Γέταις τοῦτο γάρ τοῖς βαρβάρους (τοῖς Σκλαβηνοῖς) τὸ πρῶτον ὄνομα]².

Большое значение имеют свидетельства, приводимые Иорданом (называемым также Иорнандом), писавшим около 552 г. и широко пользовавшимся живым источником—рассказами гетов. У него славяне занимают в Восточной Европе обширные места от Карпат и истоков Вислы. Отмечая на Дунае и Тиссе поселения гепидов, Иордан указывает, что места жительства славян находились на востоке от них. Особенный интерес представляет у Иордана то место, в котором он говорит, что хотя они (венеды) имеют различные имена по родам и местам жительства, но, главным образом, известны под двумя наименованиями—славяне и анты³. Это свидетельство имеет большое значение. Оно впервые, ставя рядом имена венедов и славян, устанавливает их полное тождество. Тут же Иордан утверждает, что западная ветвь, занимающая области до Днестра, это—славяне. Наиболее сильная и многочисленная восточная ветвь—анты, по Иордану, занимает пространство между Днестром и Днепром (Antes vero, qui sunt eorum fortissimi, qua Ponticum mare curvatur, a Danastro extenduntur usque ad Danaprum)⁴.

Тождество венетов и славян Иордан подкрепляет еще в одном месте, говоря, что, хотя они (т. е. венеды или славяне) пошли от одного племени, но теперь называются разными именами, т. е. венеды, анты и славяне (Nam hi, ut initio expositionis vel catalogo gentis dicere coepimus, ab una stirpe exorti tria nunc nomina edidere, id est Veneti Antes Sclavi)⁵.

Современник Иордана, Прокопий Кесарийский, произведения которого являются основным источником по вопросу о взаимоотношениях славян с Византией в царствование Юстиниана (527—565 гг.), также упоминает в нескольких местах антов рядом со славянами. Так, он утверждает, что славяне и анты прежде имели одно и то же имя (καὶ μὴν καὶ ὄνομα Σκλαβηνοῖς τε καὶ Ἄνταις ἐν τῷ ἀνέχασθαι ἦν)⁶.

Географически Прокопий также считает антов восточной ветвью славян и их ближайшими соседями (Ἄνται, οἱ Σκλαβηνῶν ἀγχιστα φέχονται)⁷.

Прокопий дает и географическое расположение славян. По его описанию, Меотийский залив (Азовское море) впадает в Понт Эвксинский. Тамошние жители, которые прежде были известны под именем киммерийцев, теперь называются утургурами. Дальнейшее пространство на север занимают бесчисленные антские народы (ἔθνη τὰ Ἄντων ἄμειτρα)⁸.

Мы не будем останавливаться на передвижениях вестготов, остготов и гуннов. Скажем только, что с распадом гуннского союза племен отдельные племена, вышедшие из-под их власти, переправляются на правый

¹ Ibid., II, p. 305.

² Theoph. Simoc., I, VII, v. 2.

³ Jordanis—De Getarum sive Gothorum origine et rebus gestis, cap. 5.

⁴ Ibidem.

⁵ Ibidem.

⁶ Procopii—De bello Gothico, I, III, c. 14.

⁷ Ibid., I, IV, c. 24.

⁸ Ibidem.

берег Дуная и расселяются в близлежащих областях империи. В 489 г. оставляют Балканский полуостров остготы. Уже в это время в этих передвижениях участвовали славяне. К этому времени относятся те первые вторжения славян в империю, о которых мы говорили выше. В русском византиноведении в начале XX в. были две основные точки зрения, вокруг которых велись споры. Эти точки зрения сводились к следующему: 1) мнение, что славяне расселились во все стороны с Карпатских гор, которые и являлись «славянской прародиной» в Европе, защищали Шафарик, С. И. Соловьев и В. О. Ключевский; 2) первоначальное местожительство славян находилось к северу и северо-востоку от Карпат до течения Днестра; это мнение основано на больших археологических материалах, собранных Л. Нидерле, выводы из которых были высказаны им в уже упоминавшихся работах.

Точку зрения Л. Нидерле развил А. А. Шахматов, к археологическому материалу прибавивший большие лингвистические исследования. По мнению А. А. Шахматова, древнейшие места жительства славян в Европе простирались от верховьев реки Немана до озера Ильмень, откуда славяне продвинулись далее на юг в область Карпат и уже оттуда расселились далее по всем направлениям, в том числе заняв и территории, смежные с Восточноримской империей¹. Не вдаваясь здесь в рассмотрение сложного вопроса о «славянской прародине», можно уже, однако, и сейчас установить, что ближе к научной истине вторая точка зрения.

Посмотрим, какие сведения дают нам источники об общественном строе славян в этом периоде. Прокопий сообщает, что славяне, к которым он причисляет и антов, «не повинуются одному повелителю». Они были разбиты на множество племен, не знали общей власти, не имели в своей среде знати, часто воевали между собой, но иногда по общему соглашению предпринимали вторжения в пределы империи². Аналогичное свидетельство мы находим также и у писавшего в конце VI в. Маврикия. Он сообщает, что у них нет общей власти, а имеется много старшин, не ладящих между собой³. Как говорит здесь Прокопий, славяне издавна живут в «демократии» и сообща разрешают все дела.

Население занимаемых славянами областей легко подчинялось славянам⁴. Славяне влияли на них, под этим влиянием перестраивался не только общественный строй, но менялся и язык. Городское население частью уходило в оставшиеся под властью Византии города на берегу Эгейского моря, куда, как установил Фальмерайер, также проникало влияние славян. К концу VI в. на территории Византии продолжает развиваться и формироваться феодальный строй под влиянием общинного быта славян.

К концу VI в., после долгой борьбы с Византией, славяне прочно осели на Балканском полуострове. В восточной части Балканского полуострова они спустились до ворот Фессалоники, второго в империи

¹ Эти обе точки зрения, между прочим, приводились в работе Ю. В. Готье — История южных славян, изд. Об-ва взаимопомощи студ.-фил. при Моск. университете, 1916, стр. 37—38.

² Procopii—De bello Gothico, III.

³ Mauricii—Strategicum, XI, 5.

⁴ Ход славянской иммиграции можно проследить также и по житию св. Дмитрия (Acta Sanctorum, Parisiis et Romae), известиям Иоанна Ефесского, летописи Иоанна, епископа Никиу и хронике Михаила Сирийца, над которым в свое время работал Ф. Успенский при подготовке своего труда «К истории крестьянского землевладения в Византии», ЖМНП, 1883, февраль и отд. изд.

города после Константинополя, далее они прочно заселяли некоторые местности Эллады. Во всяком случае, уже к половине VII в. Балканский полуостров заселен этнически однородным населением, с решительным преобладанием славянского элемента.

В 60-х гг. XIX в. исследование А. Ф. Гильфердинга¹, в котором он пользовался большим лексическим материалом, показало, что еще до расселения на Балканском полуострове славяне были скотоводами, хорошо знакомыми с хлебопашеством. Этому пытались возражать, основываясь на показаниях Прокопия Кесарийского о том, что славяне жили редко разбросанными хижинами. На этом основании некоторые буржуазные историки изображали славян—соседей Византии, как находившихся в полудиком, почти кочевом состоянии.

Между тем, материалы источников рисуют совершенно иную картину.

Оседая на землях Византии, славянские поселения сохраняли основы патриархально-родового строя.

Славяне жили в родовой общине—задруге. Глава рода (староста, господарь) выступал от имени рода в сношениях с другими родами. К концу интересующего нас периода у славян наблюдается уже процесс образования больших племенных объединений, называемых иногда жупами. Во главе такого объединения уже стоит жупан, избранный всеми родовыми старшинами. Славяне только на время военных действий подчинялись общему начальнику, его власть прекращалась с окончанием войны. В V—VI вв. славяне захватывают большие территории. В своей массе славяне были земледельцами, о чем с не допускающей сомнений ясностью говорят нам источники.

Родовая община славян, как и других народов на этой стадии общественного строя, приводила к образованию военных дружин. Семьи и задруги (друнги, δρούγγοι) приводили к образованию отрядов и дружин. Об этом свидетельствует тот факт, что византийские хронографы постоянно употребляют название δρούγγοι, как синоним славян.

Основной материал для характеристики славян начала VI в. мы встречаем у Прокопия Кесарийского, который, характеризуя строй славянских поселений, ярко освещает быт и религию славян. Следует отметить, что Прокопию, личному секретарю Юстиниана, общественный строй славян не мог казаться ничем иным, как беспорядком и безначалием (ἄτακτος καὶ ἀναρχος). В VI в. каждое племя занимало особый округ, во главе которого стоял жупан. Эти жупаны будут потом теми старейшинами (Ζωοτάτοι γέροντες, как их называл Константин Багрянородный), из которых впоследствии образуются князья и цари отдельных славянских государств.

По описанию Прокопия, славянские поселения состояли из очень разбросанных жилищ². Это ни в какой степени не может быть приводимо как доказательство временного характера поселений, граничащего с кочевничеством и отсутствием земледелия, как это делала буржуазная историография. В VI в. славяне достигают в своих поселениях прочной оседлости, занимаются экстенсивным земледелием, скотоводством, рыбной ловлей и бортничеством (П р о к о п и й, М а в р и к и й, Л е в М у д р ы й).

¹ А. Ф. Гильфердинг—Древнейший период истории славян, «Вестник Европы», 1868, т. IV.

² Procopii—De bello Gothico, III, 14.

Распространено было мнение, что славяне так легко снимались со своих поселений, потому что они не успели крепко осесть на земле. Это мнение легко опровергается данными источников.

Родовая община к концу VI в. уже подверглась сильному разложению под влиянием классового расслоения. Объединения славян конца VI в. строятся уже не столько на основе общего происхождения, сколько на основе общей территории. В частности, как это отмечает академик Н. С. Державин, большая часть славянских племен называлась по месту жительства, а не по имени родоначальника¹.

Византия, в отличие от Западноримской империи, крепче сохранила крупное землевладение. С другой стороны, хотя крестьянство и превращалось в париков, преемников римских колонов, все же под влиянием общинного быта славянских поселений, представлявших общины славян-земледельцев, в Византии, вследствие усиления славянской колонизации VI в., сохранился значительный класс свободных крестьян. В дальнейшем процессе развития феодализации славяне, как и остальные варвары, вследствие их варварства, их варварского способа селиться родами, влияли на процессы феодализации Византии. Энгельс о германских варварах писал, что они «сумели сберечь в феодальном государстве осколок настоящего родового строя в форме сельских общин (марка) и тем самым дали угнетенному классу, крестьянам, даже в период жесточайшего средневекового крепостного права, территориальную сплоченность и средство к сопротивлению...»². Это положение может быть отнесено и к древним славянам.

Походы славян на Византию являются, как и походы других варваров на Римскую империю, результатом происшедшего среди них разложения родового строя, процесса феодализации, образования военно-феодалных дружин с вождями во главе. Эти походы можно делить на два периода. Первый период—это конец V и начало VI в. Хотя славяне в этот период иногда отступают обратно за Дунай, тем не менее и в этот период Византийская империя чувствовала себя бессильной перед лицом этого нового врага, появившегося на северной границе империи. Об этом свидетельствует тот факт, что император Анастасий для защиты от нападений славян воздвиг в 512 г. линию укреплений от Селимбрии на Мраморном море до Дерконта на Черном море, которая получила название «длинной стены» и которую Евагрий называл «знаменем бессилия, памятником трусости».

Интересны сведения Прокопия о состоянии военной техники у славян, относящиеся к этому периоду. Они отправлялись на войну по большей части пешими, имея в руках щиты и дротики. Панцырей они не носили, многие из них выходили в сражение без нижней (*χιτών*) и верхней (*τριβώνιον*) одежды, в одних коротких штанах (*ἀναξυρίς*). Мы увидим, как резко эта примитивная военная техника изменилась к концу VI в. под влиянием усиленного развития процесса феодализации и классового расслоения среди славян.

¹ Н. С. Державин—Славяне и Византия в VI в., «Язык и литература», Л., 1930, т. VI, стр. 28. У акад. Н. С. Державина в этой статье совершенно неправильное представление о несовместимости военной удали славян и «мирного по преимуществу» характера земледельческого труда. Там же, стр. 27. Еще более непонятно утверждение акад. Н. С. Державина в этой же статье (стр. 25) о том, что славяне на Балканском полуострове представляли собой «отдельные бродячие разговоричьи банды». При таких «положениях» понятно, почему акад. Н. С. Державин говорит, что о «прочных поселениях славян на полуострове в VI в. не может быть и речи» (там же).

² Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 132—133.

Процесс расслоения и феодализации среди славянских народов, наступавших на Византию и оседавших на ее территории на протяжении всего VI в., протекал очень интенсивно.

Характерен факт появления в середине и конце VI в. частых упоминаний у византийских историков имен славянских вождей-военачальников—Пирогаст (Πυρογαστος)¹, Радогаст, Музокий (Μουζόκιος)²—и многих других. Это свидетельствует об ускоренном процессе разложения родового быта у славян и об укреплении у них зачаточных элементов государственной власти.

Византийское правительство препятствовало объединению славянских племен. Это стремление явно выражено у императора-историка Маврикия. Маврикий пишет, что бесполезно некоторых из них (старшин) привлекать на сторону империи убеждениями или подарками, чтобы возбуждать и поддерживать между ними взаимную распрю, не давая объединяться им под одним вождем³. Из племенных старшин, из вождей славянских дружин выростала военно-феодалная верхушка. Сливаясь с верхами феодализирующегося общественного строя Византии, эта верхушка начинала все чаще и чаще занимать руководящие должности в византийской армии.

Во второй период, начиная с первого года правления Юстиниана I (527 г.), набеги славян носят ярко выраженный завоевательный характер. Славяне значительными силами проникают на правый берег Дуная и поселяются здесь большими массами, оседая на свободных землях. Из них составляются новые отряды, доходящие как до Константинополя, так и до Фессалоники и Эгейского моря. Это впоследствии дало основание Константину Багрянородному с горечью утверждать, что «ославянилась вся страна и сделалась варварской» (ἑσθλαβώθη πᾶσα γὰρ χώρα καὶ γέγονε βάρβαρος). В это время во главе славянских племен уже стояли князья, жупаны и воеводы. Греческое сказание о чудесах св. Димитрия (см. Acta Sanctorum, т. IV) называет уже князя (ῥηγᾶ) Первунда.

Византийская империя, будучи не в силах справиться со славянами, вынуждена была пойти по линии предоставления славянским поселениям прав гражданства. Славяне получили jus aequum, устраивали свободные общины, с преобладанием мелкого крестьянского землевладения.

Широкому заселению славянами византийских территорий предшествовали последние попытки борьбы во время Юстиниана, как об этом свидетельствует Прокопий.

По течению Дуная для охраны империи существовали старые крепости—Виминаций, Рациария, Августы, Эск, Новы, Приста, Аппиария, Трамариска, Доростол, Новиодун. Прокопий в своем труде «De aedificiis» дает подробное освещение стратегическому строительству Юстиниана для борьбы со славянами. Юстиниан восстановил укрепление Литерату на левом берегу Дуная против крепости Новы, а также и другой пункт—Рецидаву, ближе к западу. Позднее прибавился третий пункт—Дафна, против Тамариски. Кроме этих больших крепостей, по описанию Прокопия, первая очередь строительства состояла из 80 укреплений в пределах провинций Скифии и Лиции, к северу от Балканского хребта, в большей части построенных заново, частью же восстановленных.

¹ Theoph. Simoc., VII, 5.

² Ibid., VI, 7.

³ Mauricii—Strategicum, VII, 5.

100 укреплений было построено к югу от хребта и в провинции Родон¹. Прокопий дает также 244 списка укреплений, выстроенных и восстановленных Юстинианом в средней полосе полуострова, в северной части префектуры Иллирии, а также 148 укреплений в западной полосе, т. е. в Эпире, Македонии и Фессалии².

Темпы славянского заселения Византии видны из того, что Прокопий, который в написанном по заказу Юстиниана сочинении «De aedificiis» прославляет военное строительство Юстиниана, в своей «Тайной истории» называет эти постройки безумными (*ἄνοήτοις οἰκοδομίαις*)³, ради которых Юстиниан не щадил ни жизни, ни средств подвластного ему населения.

Этот план строительства укреплений ярко показывает, какую опасную силу представляли собой славяне в оценке Юстиниана. Весь ход описания свидетельствует, что строительство укреплений было направлено против славян. Так, говоря об укреплениях Филиппополя и Плотинополя, Прокопий говорит, что они были воздвигнуты против варваров, занимавших окрестности этих городов⁴. В другом месте, описывая восстановление крепости Адины (в Мезии), недалеко от крепости Палматы, Прокопий прямо утверждает, что вокруг нее укрывались «варвары славяне», разорвавшие окрестности, и что именно это заставило Юстиниана принять меры к восстановлению укреплений Адины⁵. Здесь же Прокопий сообщает об укреплении Ульмитона, от которого после частых нападений славян остались одни развалины. Все эти укрепления не могли остановить движение славян в пределы империи.

К середине VI в. славянские поселения массами занимают европейские территории Византийской империи. Даже в азиатских провинциях славянские поселения были числом не меньше колоний варваров на Западе.

Из славян в это время выделяются выдающиеся вожди. К их числу следует причислить славянина Хильбуда, про которого Прокопий говорит, что во всем византийском войске никто из вождей не мог превзойти его доблестью⁶.

Опираясь на прочно занятые славянскими поселениями территории, которые к середине VI в. составляли преобладающий элемент Византийской империи, славянские вожди все больше вращались в административный и военно-политический строй империи, превращались в офицеров, стратегов, совмещавших административную и военную власть в округах, будущих фемах Византийской империи. В цитированной выше статье академика Н. С. Державин приводит сообщение о том, что в византийско-персидской войне кавалерийскими полками командовали Дабрагез и Усигард (*Δαβραγέζας τε καὶ Οὐσιγάρδος*). Из них особенно отличался первый, который был таксиархом.

В известии 563 г. о вторжении славян в Иллирию Прокопий называет гепидов⁷, которые за перевоз каждого славянина брали по золотому. Это свидетельствует о значительном развитии товарно-денежных отношений среди славян. Не прекращающиеся в течение многих десятилетий войны обогащали их и сосредоточивали в их руках денежные богатства.

¹ P r o c o p i i—De aedificiis, IV, II.

² Ibid., IV, 4.

³ Ibid., 14, 11.

⁴ Ibidem.

⁵ Ibid., IV, 7.

⁶ P r o c o p i i—De bello Gothico, I, III, с. 14.

⁷ Ibidem.

«Отсюда развивающееся денежное хозяйство проникало, точно разъедающая кислота, в основанный на натуральном хозяйстве исконный образ жизни сельских общин»¹, что усиливало разложение родового строя, классовое расслоение среди славян и вызывало появление первых зачатков государственной власти. Не менее важно отметить, что к этому периоду славяне прочно расселились не только за Дунаем. Их поселения встречаются уже в пределах империи—в Мезии, около крепости Адины, во Фракии, в окрестностях Филиппополя и Платинополя, в Македонии, недалеко от долины реки Рехии и т. д.

В описанном у Прокопия походе славян через Дунай в 551 г. участвовало 3 000 славян, вторгшихся в Иллирию и Фракию. Перейдя Дунай, славяне без сопротивления перешли через реку Евр (ныне Марица). На левом берегу реки Евра они разделились на два отряда—в 1 800 и 1 200 человек. Против них выступили военачальники иллирийских и фракийских войск, но были разбиты, несмотря на то, что славяне значительно уступали им в численности. Славян пытался задержать Освада, начальник отборных войск, расположенных в крепости Цуруле (ныне Чорлу, недалеко от Константинополя), но также был разбит. После этого никто более не мог оказать славянам вооруженное сопротивление и они повсеместно оказались хозяевами во Фракии и Иллирии. В этом походе славяне взяли приморский город Топер на реке Несие, в 12 днях пути от столицы². Славяне не могли взять город штурмом. Они расположили большую часть своего войска в засаде перед городской стеной, в то время как небольшой отряд постоянно тревожил стражу города мелкими нападениями. Рассчитывая, что этот отряд представляет собою все войско славян, гарнизон города вышел из городских стен, чтобы преследовать славян, но был целиком истреблен войсками славян, находившимися в засаде. Жители города еще долго защищались, обливая нападавших расплавленным маслом и смолою, но вынуждены были сдать город. Все мужчины, числом 15 000, были перебиты, женщины и дети уведены в рабство. Описание этой осады явно свидетельствует о значительных успехах, достигнутых славянами к этому времени в военном деле, так как они побеждали уже не только своей численностью, но умели уже составить и выполнить заранее обдуманый, хоть и несложный, стратегический план.

Византийские историки объясняли отдельные успехи славян длительной войной с Персией, которую приходилось вести империи. Но вот в 590 г. эта война оканчивается, причем империя добывается выгодных условий мира. Император Маврикий тогда обратил серьезное внимание на аваров и славян, которые к этому времени были хозяевами почти всего Балканского полуострова. От аваров Маврикий отделался обещанием выплачивать им ежегодно дань.

Со славянами в это время справиться было нелегко. Исходной точкой походов славян в это время является уже не правый берег Дуная, а самый Балканский полуостров, большая часть которого уже была прочно заселена славянами. У славян в этот период созревает стремление захвата Фессалоники, островов Греции, серьезная опасность угрожает самой столице. Военная мощь славян не имела уже ничего общего с тем, что мы видели в первом периоде их проникновения в Византию. Тогда они были вооружены одними дротиками. Теперь славяне владели уже флотом, от-

¹ Э н г е л ь с—Происхождение семьи, частной собственности и государства, Партиздат, 1933, стр. 135.

² Р о с о р и—De bello Gothico, III, 41.

важиваясь вступать в военно-морские столкновения с флотом империи, прерывали движение торгового флота, имели прочную оседлость в Фессалии и Греции¹, несколько раз пытались овладеть Фессалоникой.

Славяне освоили все тонкости военного дела и военной техники. Вот яркое свидетельство византийского хронографа, посвященное описанию осады славянами Фессалоники в 597 г. Начиная осаду, славяне подготовили осадные машины и железные тараны, огромные орудия для метания камней и так наз. черепахи, покрыв их сухими кожами, потом, переменяя намерение, чтобы предохранить черепахи от горячей смолы, они прикрепили к машине гвоздями кожи недавно убитых быков и верблюдов. Они стали забрасывать стены города камнями, стрелки их забрасывали стрелами в таком количестве, что осажденные не могли даже посмотреть, что делается за стеной. Придвинув черепахи к наружной стене, славяне сильно потрясали основания стены рожнами и крючьями. Орудия для метания камней были четырехугольными, на широких основаниях, оканчивавшиеся узкими верхами. На этих верхах были укреплены толстые деревянные цилиндры, по концам обитые железом, вмещавшие метательные машины. Машины, поднимаемые снизу, непрерывным потоком выбрасывали дождь огромных камней. Чтобы находившиеся на них воины не потерпели вреда от бросаемых со стен стрел, три стороны этих четырехугольных машин были обиты досками².

Это свидетельство показывает, что к описываемому времени славяне были уже серьезными и опасными врагами не только по своей численности, но и по состоянию военной техники, в которой они мало чем уступали византийской армии.

Подведем некоторые итоги. К концу VI и особенно к началу VII в. на Балканском полуострове всюду преобладают славянские поселения. Поселяясь на территории Восточноримской империи, славяне принесли с собой родовой строй и общину и составили основную решающую массу сильного слоя свободного крестьянства Византии.

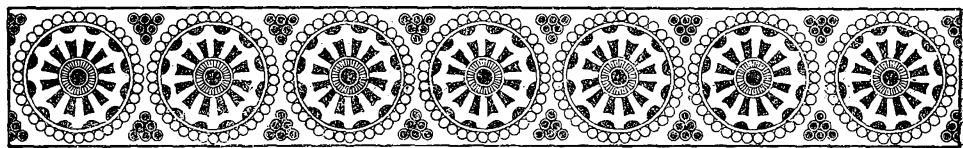
Как и на Западе, феодализация протекала в Византии на протяжении двух веков. «Для того, чтобы феодальная система хозяйства доказала свое превосходство над рабской системой хозяйства, на это ушло, кажется, около двухсот лет, если не меньше»³.

Это положение остается верным как для Западной, так и для Восточной Римской империи, где имелись особенности развития. Не отказываясь от изучения этих особенностей, как деталей, советская историческая наука должна исходить при этом из основного положения. Оно сводится к следующему: славяне омолодили Византию своим варварством, своим родовым строем, вдохнули в нее новую жизнь. Они сделались основной этнической массой в европейской части империи и значительной—в азиатской. И если Византия могла просуществовать еще 10 веков после падения Западной Римской империи, если она выполнила великую историческую роль посредника между миром античности и временем реформации, гуманизма и Возрождения, то заслуга эта падает не на отвлеченную идею «Греческой империи», как называли Византию представители буржуазной исторической науки, а на славян, их родовой строй, их общину.

¹ О славянах на Морейском полуострове, т. е. в собственно Греции, см. цит. соч. Фальмерайера.

² «Miracula sancti Demetrii mart., lib. I, cap. 14, Acta Sanctorum, t. IV, Parisiis et Romae, 1886, разд. 149—150 et 153.

³ Сталин—Об оппозиции, М.—Л., 1938, стр. 537.

Б. А. РЫБАКОВ

АНТЫ И КИЕВСКАЯ РУСЬ

В настоящей статье предполагается поставить вопрос о необходимости изучения непосредственных предшественников Киевской Руси—антов¹.

Первые упоминания антов относятся к III—V вв. III веком датируются греческие надписи из Керчи, содержащие мужское имя *Ἀντζῆς*².

Примерно V веком датируются эпические сказания готов и лангобардов, упоминающие антов.

Для лангобардской легенды «Anthaib», «земля антов», является крайним восточным пределом их знаний³. Готские легенды («то, что удержала в памяти седина предков») являлись материалом для Кассиодора и Иордана, историков VI в. Иордан, пользовавшийся не дошедшей до нас работой Кассиодора, сообщает ряд ценнейших сведений об антах⁴.

Как известно, большинство сведений о древних славянах сообщают историки VI столетия—Прокопий Кесарийский, Маврикий, Менандр. Меньше дают нам такие авторы, как Агафий Схоластик, Феофилакт Симокатта, Феофан, Кедрин и сирийские источники.

Особенностью всех византийских историков является то, что они говорят об антах лишь попутно, лишь в той мере, в какой это связано с их походами на Византию.

Сведения об антах обрываются на 602 г. После этого внимание византийцев отвлечено аvarами и болгарами, отрезавшими антов от империи.

Арабские авторы антов не знают, если не считать одного спорного места у Ибн-Росте, Кардизи и Персидского анонима (Ва-и, Вантит, Вабнит)⁵.

Первое, с чего мы должны начать рассмотрение сведений об антах, это—определение занимаемой ими территории, так как только после этого мы получим возможность использовать, кроме письменных источников, также и вещественные, археологические.

¹ Данная статья является переработкой соответствующего раздела I тома «Истории СССР» (изд. АН СССР).

² А. Л. П о г о д и н—Эпиграфические следы славянства (Сборник статей по археологии и этнографии), СПб, 1902.

³ Возможно, что слово «Anthaib» попало в рассказ о происхождении лангобардов позднее, в VI—VII вв., через готов, так как сами они с антами могли сталкиваться только в качестве византийских союзников в Италии.

⁴ Для данной статьи были использованы извлечения Шафарика и Нидерле. Исключения будут оговорены особо.

⁵ V. A. M o š i n—*Trece rusko pleme* («Slavia», том V, вып. 4). Praha, 1927.